

ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ!

МОЯ АВТОБИОГРАФИЯ

ГЛАВА I

Туайфорд, в доме епископа Сент-Асафского, 1771

Дорогой мой сын! Мне всегда нравилось узнавать любые, пусть самые незначительные истории о моих предках. Ты, возможно, помнишь, что, когда мы с тобой были в Англии, я собирал сведения среди еще оставшихся там родственников и даже предпринял для этой цели особую поездку. Предположив, что тебе будет столь же интересно узнать обстоятельства *моей* жизни, из коих многие тебе еще неизвестны, и предвкушая неделю ничем не нарушаемого досуга в нынешнем моем сельском уединении, сажусь записывать их для тебя. Есть у меня к тому и другие побуждения. Выбившись из бедности и неизвестности, в которой я родился и рос, и достигнув в сем мире благосостояния и некоторой известности, притом что до сих пор жизнь моя протекала счастливо, я полагаю, что потомкам моим

небезынтересно будет узнать, какими средствами я, милостью божией, этого достиг и, будут ли из этих средств покажутся им пригодными и для них, они пожелают последовать моему примеру.

Размышляя о своей так счастливо сложившейся жизни, я порой думаю, что если б было мне предложено прожить эту жизнь заново, я бы не отказался, попросив лишь о льготе, которой пользуются писатели при подготовке второго издания, — исправить ошибки первого. Так и я мог бы не только исправить ошибки, но и заменить некоторые тягостные случаи и события другими, более благоприятными. Но даже если б было мне в том отказано, я все равно принял бы предложение. Поскольку, однако, трудно ожидать, что мне предложат еще раз прожить мою жизнь, самое лучшее будет эту жизнь вспомнить, а чтобы воспоминания оказались как можно более долговечными, — записать их.

Кроме того, работа эта поможет мне удовлетворить свойственную старым людям склонность поговорить о себе, о своей деятельности в прошлом и притом так, чтобы не надоест другим, тем, кто из уважения к старости сочли бы своим долгом меня выслушивать; ведь записки каждый волен читать или не читать. И наконец (в этом можно признаться, потому что, вздумай я это отрицать, мне никто не поверит), описав свою жизнь, я, возможно, в большой мере уголю соб-

ственное тщеславие. В самом деле, всякий раз, как я слышал или видел вступительные слова: «Могу сказать, не тщеславясь...» и т. д., за этим неизменно следовало что-нибудь тщеславное. Большинство из нас осуждают тщеславие в других, что не мешает им самим грешить этим свойством, я же, встречаясь с ним, отношусь к нему терпимо, будучи убежден, что оно часто идет на пользу и обладателю его, и тем, с кем он имеет дело; а посему ничего нелепого не было бы в том, если бы человек благодарил бога за свое тщеславие, как и за другие земные блага.

А раз уж речь зашла о благодарности богу, я хочу с величайшим смирением заявить, что упомянутым выше счастьем моей прошлой жизни я обязан его милостивому промыслу, указавшему мне, к каким средствам прибегать, и обеспечившему им успех. Веруя в это, я *надеюсь*, хоть и не осмеливаюсь *полагать*, что та же милость будет мне оказана и далее и либо счастье мое будет продлено, либо мне будут ниспосланы силы, дабы перенести самые тяжкие горести, какие могут постигнуть меня, как постигли других; ибо будущее ведомо только ему, в чьей власти благословить даже наши невзгоды.

Из заметок, которые некогда передал мне один мой дядя, как и я, прилежный собиратель семейных анекдотов, я почерпнул кое-какие подробности касательно до наших предков. Так, я узнал, что они прожили в одной и той же

деревне, Эктоне в Нортгемптоншире, на собственном участке земли примерно в тридцать акров, не менее трехсот лет, а сколько сверх того — он не знал, быть может, с тех времен, когда слово «франклин», бывшее ранее обозначением одной из групп земельных собственников, сделалось фамилией, и фамилиями стали обзаводиться многие люди во всех концах королевства.

Столь малого участка земли не хватило бы на пропитание, если бы не ремесло кузнеца, которое сохранялось в семье до времен моего деда: старшего сына всегда обучали этому ремеслу и так поступили со старшими своими сыновьями мой дядя и мой отец. Изучая в Эктоне церковные книги, я нашел там записи о их рождениях, браках и похоронах лишь начиная с 1555 года, ибо до этого церковные книги в Эктоне не велись. Из сохранившихся записей я узнал, что сам я был младшим сыном младшего сына на протяжении пяти поколений. Мой дед Томас, родившийся в 1598 году, прожил в Эктоне, пока был в силах заниматься своим ремеслом, а тогда переехал в Бэнбери, в Оксфордшире, к своему сыну Джону, красильщику, у которого мой отец был в подмастерьях. Там мой дед и умер, и похоронен. Мы видели его надгробный камень в 1758 году. Его старший сын Томас всю жизнь прожил в старом доме в Эктоне и завещал его вместе с землей своей единственной дочери, а та вместе с мужем своим, неким Фишером из

Боллингборо, продала его мистеру Истеду, ныне тамошнему помещику. У деда моего было, кроме умерших в младенчестве, четыре сына: Томас, Джон, Бенджамин и Иосия. Как я сейчас нахожусь далеко от моих бумаг, то расскажу тебе о них по памяти, а ты, если в мое отсутствие бумаги эти не затеряются, сможешь найти в них еще много подробностей.

Томас был обучен отцом ремеслу кузнеца, но, будучи малым способным и (так же как и его братья) поощряемый Палмером, в то время самым видным жителем их прихода, сделался в нашем графстве видной фигурой и возглавил много общественных начинаний как в главном городе графства, так и в своей деревне, о чем нам в Эктоне рассказали множество историй, и был отмечен лордом Галифаксом и пользовался его покровительством. Умер он в 1702 году, 6 января, день в день за четыре года до моего рождения. Помню, как поразило тебя рассказанное о его жизни и его нраве помнившими его старожилками, до того похоже это было на то, что ты знал обо мне. «Умри он в тот день на четыре года позже, — сказал ты тогда, — впору было бы предположить переселение души».

Джона вырастили красильщиком, кажется, шерсти. Бенджамина вырастили красильщиком шелка, и ученичество он прошел в Лондоне. Он был очень способный человек. Я хорошо его помню, ибо, когда я был маленьким, он при-

ехал к моему отцу в Бостон и несколько лет жил у нас в доме. Он и мой отец были нежно привязаны друг к другу. Его внук Сэмюел Франклин ныне живет в Бостоне. После него осталось два рукописных тома ин-кварто с его стихами, то были стихи на случай, произведения, обращенные к друзьям и родственникам, коих образцы, присланные мне, привожу ниже.

Он изобрел собственную систему скорописи, коей обучил и меня, но я, никогда ею не пользуясь, успел ее забыть. Он был весьма благочестив, прилежно слушал лучших проповедников и записывал их проповеди по своей системе и так собрал их несколько томов. Он также много занимался политикой, слишком, пожалуй, много для его положения. Не так давно в Лондоне мне попало в руки составленное им собрание важнейших политических памфлетов, опубликованных с 1641 по 1717 год. Как явствует из нумерации, многих томов недостает, сохранилось восемь томов ин-фолио и 24 тома ин-кварто и ин-октаво. Их купил один букинист, он знает меня, так как я иногда заглядываю в его лавку, и принес их мне. Надо полагать, что дядя мой оставил их здесь, когда уезжал в Америку, а было это лет пятьдесят тому назад. На полях есть много заметок его рукой.

Наша безвестная семья рано примкнула к Реформации и оставалась протестантской даже в царствование королевы Марии, когда рев-

ностным противникам папизма порой грозила серьезная опасность. В доме у нас была Библия на английском языке, и чтобы уберечь ее от посторонних глаз, ее в открытом виде прикрепили снизу тесьмой к сиденью табуретки. Когда мой прапрадед читал Библию вслух своему семейству, он ставил табуретку вверх ножками к себе на колени и переворачивал страницы, вытягивая их из-под тесемок. Кто-нибудь из детей стоял в дверях, чтобы вовремя предупредить остальных о появлении пристава церковного суда. Тогда табуретку снова ставили на пол, и Библия оказывалась спрятана. Этот рассказ я слышал от моего дяди Бенджамина. Семья наша оставалась в лоне англиканской церкви до конца царствования Карла II или около того, а когда священники, подвергшиеся опале как диссиденты, съехались в Нортгемптоншир на тайное собрание, Бенджамин и Иосия стали их приверженцами на всю жизнь, остальные же члены семьи сохранили верность епископальной церкви.

Отец мой Иосия женился молодым и около 1682 года увез свою жену и троих детей в Новую Англию. Поскольку соборища священников были запрещены законом и их нередко разгоняли, несколько уважаемых друзей моего отца решили перебраться в те края и уговорили его ехать с ними, рассчитывая, что в новой стране они смогут исповедовать свою религию без помехи. От той же жены у него было еще четверо детей, родив-

шихся уже на новом месте, а еще десять — от второй, всего семнадцать; я еще помню, как за стол их садилось тринадцать человек, все они выросли, поженились и вышли замуж; я был младшим сыном, моложе меня были только две сестры, и родился я в Бостоне, в Новой Англии. Моей матерью, второй женой отца, была Абия Фолджер, дочь Питера Фолджера, одного из первых поселенцев Новой Англии, которого Коттон Мэзер в своей книге о новоанглийской церкви под заглавием «*Magnalia Christi Americana*»* уважительно назвал, если память мне не изменяет, «богобоязненным и ученым англичанином». Я слышал, что он написал несколько стихотворений, но лишь одно из них было напечатано, я его читал много лет тому назад. Написано оно было в 1675 году простым, грубоватым слогом того времени и обращено к людям, управлявшим тогда тамошней общиной. Он отстаивал свободу совести, вступался за права баптистов, квакеров и других сектантов, подвергавшихся гонениям, и в этих гонениях усматривал причину и индейских войн, и других напастей, обрушившихся на колонистов, видя в них Божию кару за столь страшное злодейство и призывая к отмене безжалостных законов. На мой взгляд, написано все это прямодушно и с большой долей мужества. Заключительные шесть строк

* «Великие деяния Христа в Америке» (лат.).

я помню, а начало последней строфы забыл, но смысл ее был тот, что осуждение его подсказано добрыми чувствами, а потому он желает, чтобы имя его как автора стало известно.

Клевета противна душе моей (*пишет он*).
От правды не отступлю,
Из города Шерберна, где ныне живу,
Всем свое имя шлю.
Остаюсь вам преданным другом,
Я, Питер Фолджер, к вашим услугам.

Все мои старшие братья были отданы в ученичество различным ремесленникам, меня же восьми лет определили в грамматическую школу, ибо отец мой решил посвятить меня, как некую десятину от своих сыновей, служению церкви. В этом намерении его еще укрепило то, что я рано выучился читать (наверно, и в самом деле очень рано, ибо я не помню того времени, когда не умел читать), а также мнение всех его друзей, что из меня безусловно выйдет великий ученый. Одобрил это решение и мой дядя Бенджамин и предложил передать мне все тома проповедей, записанных им по его системе, затем, надо полагать, чтобы я по ним учился, если научусь понимать его руку. Однако в школе я проучился неполный год, хотя за этот год постепенно продвинулся от середины своего класса на первое место, затем был переведен в следующий класс, а к концу года и в третий. Но тем

временем мой отец, убоявшись расходов на обучение в колледже, которых он при такой большой семье не мог себе позволить, и жалких заработков, на какие обречены были многие даже после колледжа, — я сам слышал, как он излагал эти причины своим друзьям, — отказался от первоначального своего намерения, взял меня из школы и отдал обучаться письму и арифметике известному в то время учителю Джорджу Браунеллу, который к тому же добивался хороших успехов не розгой, а поощрением. Под его руководством я быстро научился хорошо писать, но арифметика мне не давалась и в ней я не преуспел. В возрасте десяти лет отец взял меня домой и поставил помощником в своем деле, а был он мыловаром и свечником. Этому делу он не был обучен с детства, а занялся им уже по приезду в Новую Англию, когда убедился, что прежнее его ремесло красильщика мало кому требуется и семью им не прокормить. И вот я принялся резать фитили, заливать формы для маканых свечей и мыла, прибирать в мастерской, бегать с поручениями и проч.

Работа мне не нравилась, меня тянуло в море, но отец и слышать об этом не хотел; однако, живя у залива, я много времени проводил на воде, рано научился плавать и управляться с лодкой; а оказавшись в лодке с другими мальчиками, обычно считался у них капитаном, особенно когда возникали какие-нибудь затруднения; да

и в других обстоятельствах я обычно верховодил и, бывало, вовлекал товарищей в разные проделки, коих приведу один пример, показывающий, что я рано проникся общественным духом, но не сразу научился направлять его по верному пути.

Недалеко от нашего дома за мельничным прудом был лужок, на краю которого мы стояли во время прилива, когда удили пескарей. Мы так его вытоптали, что он превратился в болото. Я предложил построить там пристань и показал товарищам большую кучу камней, сложенных вблизи пруда для постройки нового дома и вполне подходящих для нашей затеи. И вот вечером, когда работники ушли, я собрал свою ватагу, и мы прилежно, как муравьи, поднимая каждый камень вдвоем, а когда и втроем, перетаскали их к воде и построили свою пристань. Наутро работники хватились камней и вскорости их обнаружили. Стали наводить справки, виновных нашли и пожаловались родителям. Некоторые из нас получили от своих отцов чувствительный урок, мой же отец, хоть я и убеждал его, что работу мы выполнили полезную, внушил мне, что нечестный поступок не может быть полезен.

Думаю, тебе будет интересно узнать еще кое-что о его внешности и составе. Он был человек отменного здоровья, роста среднего, но крепкого сложения и очень сильный; был богато одарен, недурно рисовал, немного играл на скрипке и обладал чистым, приятным голосом, так что когда

он играл и пел псалмы, как бывало по вечерам по окончании дневной работы, слушать его было одно удовольствие. Был у него и талант к механике, он легко управлялся с орудиями, нужными в других ремеслах; но больше всего отличали его здравый смысл и трезвые суждения по хозяйственным вопросам применительно как к частной, так и к общественной жизни. В последней он, правда, сам не участвовал, поскольку необходимость содержать большую семью и ограниченность средств не позволяли ему отрываться от своего ремесла; но я хорошо помню, что к нему частенько наведывались самые почтенные наши соседи, спрашивали его мнения касательно всяких дел, городских и церковных, и с великим вниманием выслушивали его суждения и советы; советовались с ним люди и касательно своих личных дел, часто призывали его быть посредником в ссорах. Он любил видеть у себя за столом какого-нибудь разумного приятеля или соседа и сам заводил речь о каком-нибудь замысловатом или полезном предмете, дабы дети его, слушая беседу, учились уму-разуму. Так он привлекал наше внимание к тому, что есть в жизни доброго, справедливого и благоразумного; снеди же, поданной на стол, почти не уделялось внимания, как будто безразлично было, хорошо ли удалась подлива, по сезону ли блюдо, лучше оно по вкусу или хуже другого, сходного, почему и я привык пренебрегать этими вопросами и стал до того равнодушен

к тому, что мне подают, что и по сей день, будучи спрошен, что я ел на обед, уже через несколько часов не могу ответить. Это сослужило мне хорошую службу в путешествиях, когда иные из моих спутников очень страдали от невозможности удовлетворить свои более утонченные (потому что заботливее взлелеянные) вкусы и аппетиты.

Моя мать тоже отличалась отменным здоровьем, она вскормила грудью всех своих десятирех детей. Не помню, чтобы родители мои когда-нибудь хворали, разве что перед смертью. Отец мой дожил до 89 лет, а мать до 85. Погребены они вместе в Бостоне, где я несколько лет тому назад заказал на их могилу мраморную плиту с такой надписью:

Здесь покоятся

И о с и я Ф р а н к л и н и супруга его А б и я.

Они прожили в любви и согласии 55 лет,
Не имея ни земли, ни прибыльных занятий.

С благословения божьего,

Неустанным трудом и старанием

Они содержали в достатке большую семью
И вырастили достойно 13 детей и 7 внуков.

Пусть этот пример, прохожий,

Подвигнет тебя к усердию на твоём поприще

И к вере в провидение.

Он был муж благочестивый и благоразумный,

Она жена скромная и добродетельная.